

Книга Даниила — номер сто одиннадцать

Раскрытие пророческого значения Абубакара в первом горе Откровения

Jeff Pippenger
2024-03-02

В пророческой истории первого горя лидером, последовавшим за Мухаммадом, был Абу Бакр Абдуллах ибн Аби Кухафа, тесть Мухаммада. Мы будем называть его Абубакар. Оба — и он, и Мухаммад — упомянуты в первых четырёх стихах. Абубакар был первым исламским правителем после Мухаммада, и история сохранила приказ, который он отдал своим солдатам; этот приказ отражён в четвёртом стихе девятой главы Откровения. Этот приказ представляет процесс запечатления, который начался с наступлением третьего горя, которое также было Седьмой Трубой, а также пришествием третьего ангела.

И пятый ангел вострубил, и я увидел звезду, падшую с неба на землю; и дан ей был ключ от кладезя бездны. И она открыла кладезь бездны; и вышел дым из кладезя, как дым большой печи; и помрачилось солнце и воздух от дыма кладезя. И из дыма вышла на землю саранча; и дана была им власть, какую имеют земные скорпионы. И сказано было им, чтобы не вредили траве земной, ни всякой зелени, ни всякому дереву, но только тем людям, которые не имеют печати Божией на челах своих. Откровение 9:1–4.

"Звезда", упавшая с неба, — это Мухаммед, который начал свое служение в 606 году. Мухаммеду был дан "ключ", который должен был "открыть" "бездну", позволив "дыму" помрачить "солнце и воздух", и выпустить "саранчу", которой была дана "власть", подобная власти "скорпионов". Ключом была военная битва, ослабившая военную силу Рима, что открыло путь подъему военной мощи ислама. "Бездна" — символ Аравии, колыбели ислама, а "дым" представлял ложную религию ислама, которой предстояло распространиться по земле и овладеть той же территорией, которую заполняют тучи саранчи, проходящие по Северной Африке, Южной Европе и Аравии. "Саранча" — символ ислама, а "власть" в пророческом смысле представляет военную силу. Их власть должна была быть как у скорпионов, которые поражают неожиданно. Урия Смит утверждает:

Звезда пала с небес на землю; и ему был дан ключ от бездны.

"Пока персидский монарх созерцал чудеса своего искусства и могущества, он получил послание от неизвестного жителя Мекки, в котором его приглашали признать Мухаммеда посланником Бога. Он отверг приглашение и разорвал послание. 'Так, — воскликнул арабский пророк, — Бог разорвет царство и отвергнет мольбу Хосроя.' На рубеже этих двух восточных империй Мухаммед с тайной радостью наблюдал за ходом взаимного разрушения; и среди персидских торжеств он осмелился предсказать, что, прежде чем пройдет много лет, победа вновь вернется под знамена римлян. 'В то время, когда, как говорят, было сделано это предсказание, ни одно пророчество не могло быть дальше от исполнения, ибо первые двенадцать лет Ираклия возвещали близкую гибель

империи.' ..

«Хосров покорил римские владения в Азии и Африке. И 'Римская империя' в то время 'была сведена к стенам Константинополя, с остатками Греции, Италии и Африки, и некоторыми приморскими городами — от Тира до Трапезунда — на азиатском побережье. Опыт шести лет, наконец, убедил персидского монарха отказаться от завоевания Константинополя и установить ежегодную дань за выкуп Римской империи — тысяча талантов золота, тысяча талантов серебра, тысяча шелковых одежд, тысяча лошадей и тысяча девственниц. Ираклий согласился на эти позорные условия. Но время и передышка, которые он получил, чтобы собрать эти сокровища из нищеты Востока, были усердно использованы для подготовки смелой и отчаянной атаки.'»

Царь Персии презирал безвестного сарацина и насмехался над посланием мнимого пророка из Мекки. Даже ниспровержение Римской империи не открыло бы дверь для магометанства или для продвижения сарацинских вооружённых распространителей лжеверия, хотя монарх персов и каган аваров (преемник Атиллы) разделили между собой остатки царств цезарей. Сам Хосров пал. Персидская и Римская монархии истощили силы друг друга. И прежде чем меч был вложен в руки лжепророка, он был выбит из рук тех, кто воспрепятствовал бы его возвышению и сокрушил бы его власть.

'Со времен Сципиона и Ганнибала не предпринималось более дерзкого предприятия, чем то, которое Ираклий осуществил ради спасения империи. Он проложил опасный путь через Чёрное море и горы Армении, проник в самое сердце Персии и заставил армии великого царя вернуться на защиту их истекающей кровью страны.'

"В битве при Ниневии, которая ожесточённо продолжалась от рассвета до одиннадцатого часа, двадцать восемь знамён, не считая тех, которые могли быть сломаны или разорваны, были захвачены у персов; большая часть их армии была перебита, а победители, скрывая собственные потери, провели ночь на поле сражения. Города и дворцы Ассирии впервые были открыты для римлян."

Римский император не был укреплён совершёнными им завоеваниями; и в то же самое время и теми же средствами был подготовлен путь полчищам сарацин из Аравии, подобным саранче из того же края, которые, распространяя в ходе своего продвижения мрачное и обманчивое магометанское вероучение, быстро наводнили и Персидскую, и Римскую империи.

Более полного подтверждения этого факта нельзя и пожелать, чем то, которое дают заключительные слова главы у Гиббона, из которой взяты приведённые выше выдержки. «Хотя под знаменем Ираклия была сформирована победоносная армия, это неестественное напряжение, по-видимому, скорее истощило, чем закалило её силы. Пока император торжествовал в Константинополе или Иерусалиме, неприметный городок на окраине Сирии был разграблен сарацинами, а они порубили на части некоторые отряды, двинувшиеся ему на помощь, — обыкновенное и ничтожное происшествие, если бы оно не стало прелюдией великой революции. Эти разбойники были апостолами Мухаммеда; их исступлённая доблесть вышла из пустыни; и в

последние восемь лет своего правления Ираклий потерял арабам те же провинции, которые он отвоевал у персов».

«Дух обмана и энтузиазма, чья обитель — не на небесах», был развязан на земле. Бездне недоставало лишь ключа, чтобы ее открыть, и этим ключом было падение Хосроя. Он с презрением разорвал письмо неизвестного жителя Мекки. Но когда из своего «сияния славы» он погрузился в «башню тьмы», в которую не мог проникнуть ни один взгляд, имя Хосроя должно было внезапно уйти в забвение перед именем Мухаммеда; и казалось, что полумесяц лишь ждет своего восхода, пока не падет звезда. Хосрой, после полного разгрома и утраты империи, был убит в 628 году; а 629 год отмечен «завоеванием Аравии» и «первой войной мусульман против Римской империи». «И пятый ангел затрубил, и я увидел звезду, падшую с неба на землю; и ей был дан ключ от бездны. И она открыла бездну». Он пал на землю. Когда силы Римской империи были истощены, а великий царь Востока лежал мертвым в своей башне тьмы, разграбление неизвестного города на границе Сирии стало «прелюдией великой революции». «Разбойники были апостолами Мухаммеда, и их неистовая доблесть вышла из пустыни».

Бездонная бездна.— Значение этого термина можно узнать из греческого, где оно определяется как «глубокий, бездонный, глубинный», и может относиться к любому пустынному, безлюдному и невозделанному месту. Оно применяется к земле в её первоначальном состоянии хаоса. Быт. 1:2. В данном случае оно может уместно относиться к неведомым пустошам Аравийской пустыни, с окраин которой орды сарацин вышли, как рои саранчи. И падение Хосроя, персидского царя, может вполне быть представлено как открытие бездны, поскольку оно подготовило путь для последователей Мухаммеда выйти из их неприметной страны и распространять свои обманчивые учения огнём и мечом, пока они не распространили свою тьму по всей Восточной империи. Урия Смит, «Даниил и Откровение», 495–498.

Первое горе, которое является пятой трубой, указывает на начало военных действий ислама против Рима и указывает на сражение между Римом и Персией, в котором Рим одержал верх, но при этом истощил свои военные силы до такой степени, что не смог предотвратить подъём исламской мощи. Пророческие черты первого и второго горя обозначают пророческие черты третьего горя, и важно признать первые два горя символами истории третьего горя, ибо та история представляет период запечатления ста сорока четырёх тысяч, который начался 11 сентября 2001 года. После пророческой истории, представленной Мухаммадом в первых трёх стихах, четвёртый стих вводит Абу Бакра, первого лидера после Мухаммада.

И сказано было им, чтобы не делали вреда траве земной и никакой зелени, и никакому дереву, а только тем людям, которые не имеют печати Божией на челах своих.
Откровение 9:4.

Приказ Абубакара предписывал мусульманским воинам различать две категории верующих, существовавшие в то время на римских территориях. Одна категория — католики, у

которых некоторые религиозные ордена выбривали затылок (тонзура), и которые соблюдали воскресный день. Другая категория — соблюдающие субботу седьмого дня, и суббота — печать Бога.

После смерти Мухаммеда в 632 году н. э. его в командовании сменил Абу Бакр, который, как только вполне утвердил свою власть и правление, разослал арабским племенам циркулярное письмо, из которого ниже приводится следующий отрывок:

«Когда вы сражаетесь в Господних битвах, проявляйте себя как мужи, не обращаясь в бегство; но пусть ваша победа не будет запятнана кровью женщин и детей. Не уничтожайте пальм и не сжигайте хлебных полей. Не рубите плодовых деревьев и не причиняйте вреда скоту, кроме того, который вы убьете для пищи. Когда заключите какой-либо договор или соглашение, соблюдайте его и будьте верны своему слову. И по пути вы встретите некоторых религиозных людей, которые живут уединенно в монастырях и избрали для себя служить Богу таким образом; оставьте их в покое, не убивайте их и не разоряйте их монастырей. И вы встретите и других людей, принадлежащих к синагоге сатаны, с обритыми теменами; непременно раскалывайте им черепа и не давайте им пощады, пока они либо не примут магометанство, либо не начнут платить дань».

Ни в пророчестве, ни в истории не сказано, что более гуманные предписания исполнялись столь же неукоснительно, как свирепый приказ; но так им было повелено. И приведенные выше — единственные наставления, которые Гиббон записал как данные Абу-Бекром вождям, в чью обязанность входило отдавать приказы всем сарацинским полчищам. Эти повеления столь же избирательны, как и предсказание, словно сам халиф действовал в осознанном и прямом повиновении высшему велению, нежели велению смертного человека; и, отправляясь сражаться против религии Иисуса и чтобы распространять магометанство вместо нее, он повторил слова, о которых в Откровении Иисуса Христа было предсказано, что он их скажет.

Печать Божия на их челах.— В замечаниях к главе 7:1–3 мы показали, что печать Божия — это суббота четвёртой заповеди; и история не умалчивает о том, что на протяжении всего настоящего домостроительства были соблюдатели истинной субботы. Но у многих здесь возник вопрос: кто были те люди, которые в это время имели печать Божию на челах своих и тем самым стали свободны от магометанского угнетения? Пусть читатель помнит о факте, на который уже было указано, что на протяжении всего этого домостроительства были те, кто имел печать Божию на челах, то есть сознательно соблюдал истинную субботу; и пусть далее примет во внимание, что пророчество утверждает лишь то, что нападки этой опустошительной турецкой силы направлены не против них, а против другого класса. Таким образом снимается всякая трудность; ибо это всё, что действительно утверждает пророчество. В тексте прямо показан только один класс людей, а именно те, у которых нет печати Божией на челах; а сохранение тех, кто имеет печать Божию, подразумевается лишь косвенно. Соответственно, из истории мы не узнаём, чтобы кто-либо из них был вовлечён в какие-либо бедствия, обрушенные сарацинами на тех, кто был объектом их ненависти. Их направили против другого

класса людей. И гибель, которая должна была постигнуть этот класс людей, противопоставляется не сохранению других людей, а лишь сохранению плодов и зелени земли; так: «Не вредьте траве, деревьям и никакой зелени, но только определённому классу людей». И в исполнение этого мы видим странное зрелище: армия захватчиков шадит то, что такие армии обычно уничтожают, а именно облик и плоды природы; и, в соответствии с данным им дозволением вредить тем людям, у которых не было печати Божией на челах, раскалывает черепа определённого класса религиозников с выбритыми теменами, принадлежавших к синагоге Сатаны.

Это, несомненно, была группа монахов или какое-то другое подразделение Римско-католической церкви. Против них были направлены силы магометан. И нам представляется, что есть особая уместность, если не замысел, в том, чтобы описывать их как тех, кто не имел печати Божией на челах; ибо именно эта церковь лишила закон Божий его печати, отняв истинную субботу и поставив на ее место подделку. И мы не находим ни в пророчестве, ни в истории, что те, кого Абу-Бекр велел своим последователям не трогать, обладали печатью Божией или непременно составляли народ Божий. Кем они были и по какой причине их пощадили, скудное свидетельство Гиббона нам не сообщает, и у нас нет иных средств узнать это; но у нас есть все основания полагать, что никто из тех, кто имел печать Божию, не был тронут, тогда как другой класс, который несомненно ее не имел, был предан мечу; и таким образом признаки пророчества вполне исполнены. Уриа Смит, «Даниил и Откровение», 500–502.

Абубакар объединил последователей Мухаммеда в халифат после смерти Мухаммеда, так что, хотя это две разные исторические фигуры, вместе они представляют начало свидетельства ислама первого горя, а исторической фигурой, которая знаменует историю первого горя, является Мухаммед.

В начале истории второго горя Мехмед II завоевал Константинополь в 1453 году. В 1449 году были освобождены четыре ангела, представляющие ислам. Начало и конец первого горя отмечены Мехмедом — первым и вторым соответственно. В пророческом смысле начало и конец истории первого горя несут печать Альфы и Омеги.

Начало второго горя включает пророчество о времени, касающееся четырёх ангелов, которые символизируют ислам, который сначала был развязан, а затем сдержан 11 августа 1840 года. С того момента и до 22 октября 1844 года иллюстрируется запечатление ста сорока четырёх тысяч. Начало второго горя указывает на развязывание ислама, а его окончание — на сдерживание ислама. И первое, и второе горе имеют точные пророческие вехи, связывающие их начало с их концом.

Первые два горя должны быть наложены друг на друга, «строка к строке», чтобы определить третье горе. Одна из пророческих характеристик, которая определяется первыми двумя свидетелями ислама, заключается в том, что они представляют собой определённый период времени, в котором начало и конец отмечены знаком Альфы и Омеги. У них также есть дополнительный знак: начало первого горя указывает на запечатление Божьего народа, и конец второго горя также указывает на запечатление Божьего народа.

Третье горе пришло, когда ислам внезапно и неожиданно атаковал зверя из земли из тринадцатой главы Откровения, тем самым начав период запечатления. Запечатление ста сорока четырёх тысяч заканчивается при скором введении закона о воскресном дне; за национальным отступлением следует национальная гибель. Как это прообразовано в языческом и папском Риме, национальная гибель совершается трубными судами Бога. Три горя — это также трубы. Ислам третьего горя снова нанесёт внезапный и неожиданный удар при скором введении закона о воскресном дне в Соединённых Штатах, когда закончится период запечатления ста сорока четырёх тысяч. Этот период был прообразован начальным этапом первого горя, а также завершающим этапом второго горя.

Мы продолжим это исследование в следующей статье.

И Сара увидела, что сын Агари Египтянки, которого она родила Аврааму, насмехается. И сказала она Аврааму: изгони эту рабыню и её сына; ибо сын этой рабыни не будет наследником вместе с моим сыном, с Исааком. И это было весьма прискорбно в глазах Авраама из-за его сына. И Бог сказал Аврааму: да не будет это прискорбно в глазах твоих из-за отрока и из-за рабыни твоей; во всём, что скажет тебе Сара, послушайся её голоса; ибо в Исааке наречётся тебе семя. И от сына рабыни Я также произведу народ, потому что он твоё семя. И Авраам встал рано утром, взял хлеб и мех с водой и дал их Агари, положив ей на плечо; дал ей и ребёнка, и отпустил её. И она пошла и блуждала в пустыне Вирсавии. И вода в мехе иссякла, и она положила ребёнка под одним из кустов. И, отойдя, села напротив него на расстоянии выстрела из лука, ибо сказала: не буду смотреть на смерть ребёнка. И она села напротив него, и подняла голос, и заплакала. И Бог услышал голос отрока; и ангел Божий с неба воззвал к Агари и сказал ей: что с тобою, Агарь? не бойся; ибо Бог услышал голос отрока там, где он. Встань, подними отрока и поддержи его рукою твоей, ибо Я сделаю его великим народом. И Бог открыл ей глаза, и она увидела колодезь воды; и пошла, и наполнила мех водой, и напоила отрока. И Бог был с отроком; и он вырос, и жил в пустыне, и стал лучником. Бытие 21:9–20.